

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 11 (47)

Черкесский Меджлис

К 150-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ

После капитуляции Мухаммед Амина в ноябре 1859 г. адыгское общество вернулось к собственным принципам организации конфедеративного государства во главе с коллегияльным руководством – меджлисом. «Действия русских войск, - писал Р. А. Фадеев, - убедили непокорных горцев, что приближается последний час их независимости. Но черкесы не потеряли головы и не упали сердцем; напротив, они решились отстаивать самостоятельность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе оружием пала по необходимости на абадзехов, то убыхи, не уступающие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу и направление мер административных и дипломатических, соответствующих принятой ими решимости... Для ограждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили: учредить чрезвычайный союз и не отставать от оногo с тем, чтобы сохранить порядок внутренний, а отступающих от него наказывать. В черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек, которому дано название великого и свободного заседания»¹.

Меджлис или правительство Черкесии было создано в июне 1861 г. представителями абадзехов, шапсугов и убыхов на съезде в долине р. Сочи. Возглавил черкесское правительство Хаджи Керендук Берзек. В состав меджлиса вошел Карабатыр Заноко, сын признанного черкесского лидера Сефербея Заноко, умершего в 1859 г.

Сразу после своего возникновения меджлис Черкесии

попытался вступить в переговоры с правительством Российской империи. Но ни Александр II, ни его окружение не собирались останавливать военные действия и меры, направленные на аннексию черкесских земель. Депутация меджлиса в составе абадзеха Хасана Бидж, убыха Хаджи Берзека и шапсуга Ислама Тхауш посетила Тифлис, где вручила официальное послание для российского императора, выдержанное в совершенно миролюбивых тонах.

Военный министр Д. А. Милютин писал царю 29 августа 1861 г.: «Из представляемого при сем отношения кн. Орбелиани Ваше Императорское Величество изволите усмотреть, что союз, образовавшийся в недавнее время из трех народов Западного Кавказа, остающихся доселе непокорными: шапсугов, убыхов и абадзехов, прислал депутацию в Тифлис для переговоров и что депутация эта желает представиться и Вашему Величеству во время путешествия Вашего по Кубанской области... Долговременный опыт уже достаточно научил нас, как мало существенного значения могут иметь всякие переговоры и договоры с горскими народами и как отличаются их понятия о заключении с нами мира от наших требований принесения покорности. В этом отношении племена Западного Кавказа еще менее, чем другие, могут подчиниться каким-либо договорам. Если бы даже и в самом деле составилась между ними союз, то и в таком случае племена эти слишком привыкли к независимости и разрозненности, слишком мало знакомы с гражданским устройством и властью, чтобы можно было полагаться на действительную

с их стороны покорность. (Отказывая черкесам в элементарной способности дорожить мирной жизнью, Милютин обходит умолчанием факт того, что абадзехи уже в декабре 1859 г. признали покорность российскому царю и на момент написания этой записки уже более 20 месяцев свято соблюдали условия покорности, совершенно не участвуя в военных действиях на стороне шапсугов и убыхов. – Прим. С. Х.). Следовательно, по моему убеждению, прибытие теперь депутации от так называемых Черкесских племен не может иметь никаких результатов. Факт этот имеет одно лишь то значение, что явно обнаруживает безвыходное положение, в которое поставлены ныне племена Западного Кавказа, ввиду грозного наступления на них наших казачьих поселений. Горцы видят близкий и неминуемый конец вековой борьбы; они чувствуют, что вскоре могущественное казачье население совсем задавит их. Они делают последнее усилие соединиться против нас и прежде, чем поднять еще раз оружие, делают попытку приостановить напор наш... Переговоры в настоящее время не могут иметь другой цели, как только задержать ход нашего завоевания. Быть может, даже есть при этом тайный расчет протянуть борьбу до новой Европейской войны, ожидаемой с нетерпением нашими врагами, внешними и внутренними. По всем этим соображениям, смею думать, что прибытие черкесской депутации и миролюбивые ее заверения не должны иметь ни малейшего влияния на исполнение нашего плана действий в Западном Кавказе. Мы должны настой-

чиво продолжать заселение края казаками, ибо не могу отступить от своего всегдашнего убеждения, что, только вытеснив туземцев из гор и заняв их места казаками, можем прочно утвердиться в крае, водворить в нем спокойствие и не опасаться уже потерять Кавказ при первом разрыве с морскими державами»².

Визит Александра II в Кубанскую область в сентябре 1861 г. не остановил войну, но, напротив, подстегнул военные действия. Самодержец углубился в горы Абадзехии по русской военной дороге, построенной с участием абадзехов, принесших ему покорность в 1859 г., и заявил тем самым старшинам, которых ранее так ласково принимал в Петербурге, что они – абадзехи – в полном составе должны освободить занимаемую ими территорию и переселиться на Кубанскую равнину. Какое именно место на Кубани отводилось для абадзехов и всех остальных адыгов, покорность которых принималась теперь только совместно с их добровольной самодепортацией, непонятно, поскольку свободных земель на Кубани не было еще до появления России на Кавказе и тем паче таковых не оставалось после массированного заселения в регион казаков и других российских подданных.

В марте 1862 г. огромный экспедиционный отряд под командованием Евдокимова вторгся в Абадзехию для исполнения царского приказа очистить Черкесию от черкесов.

В июле 1862 г. Н. П. Коллюбакин, генерал-губернатор Кубанской губернии, возглавил десантную экспедицию в Сочи, целью которой было уничтожение административного цент-

ра черкесского государства.

Участник экспедиции С. Смоленский отмечал, что корабли на рассвете подошли к устью р. Псахе и высаженный десант, снабженный специальными спичками, способными гореть на ветру, зажег три деревянных здания под драничными крышами, которые составляли присутственные места меджлиса – «зал парламента», «кунакская» и мечеть.

«Местность эта, - писал Смоленский, - была густо заселена горцами до крутых подъемов подходящих сюда горных отрогов; горцы занимали также котловины ущелий, выходящих из гор и долины речек. Тут был центр населения убыхского племени, где и избрано место для постройки помещений народных собраний. Отсюда имелись прямые сообщения с землями абадзехов и натухайцев, и вели также ближайшие пути в соседние общества ахчипсхоу и айгба». Потери десанта составили порядка 70 человек убитых и раненых: «Хотя наша потеря превышала убыль горцев в деле у Псахе, зато нравственный перевес был на нашей стороне. Мы явились там, где они нас не ожидали, и напали совершенно врасплох как говорится. Узнай они днем раньше, во время рекогносцировки, о месте предполагаемой высадки, то из трех рот едва ли кто бы возвратился на суда»³.

Весьма показательно, что сам Н. П. Коллюбакин в своих мемуарах дал высокую оценку деятельности черкесского правительства и той дисциплине, которая установилась среди черкесов на завершающей фазе войны: «все эти племена имеют, так сказать, естественные им начала гражданственности, начала, конечно, неполные и не хорошо обдуманые, но могущие служить основой

К 150-ЛЕТИЮ ЧЕРКЕССКОГО МЕДЖЛИСА

мудрого управления и благих преобразований»⁴.

Десант в Псахе не прекратил деятельности черкесского правительства. В 1862 г. меджлис организовал поездку в Стамбул делегации во главе с Измаилом Дзиаш. Черкесы представили великому визирю петицию, содержащую просьбу о покровительстве и оказании военной помощи.

Вслед за этим черкесский комитет Стамбула организовал поездку в Лондон делегации меджлиса во главе с шапсугом Хушт-хаджи Хасаном, сподвижником Сефербея Заноко. Лесли Бланш в своей монографии «Сабля Рая» приводит любопытный эпизод: во время выступления Хушта на специально созванном митинге в Гайдпарке стало известно о рождении принцессы Беатрис — Хушт принялся разбрасывать в толпу золотые монеты; англичане же кричали «Браво, Черкесия! Вот настоящие союзники!»⁵. Послы черкесского меджлиса Черкесии изображены на странице «Иллюстрированных лондонских новостей».

В. В. Дегоев, автор ряда фундаментальных работ по внешнеполитической исто-

рии Черкесии, отмечает, что в Лондоне представители черкесского правительства «передали королеве Виктории петицию, в которой они приносили извинения за свою пассивность в годы Крымской войны, оправдывая ее недостатком единства и предприимчивости среди вождей народа. С тех пор, говорилось далее, произошли перемены к лучшему: «желая вступить в семью конституционных наций», черкесы избрали «парламент» и «правительство», учредили законы, гарантирующие безопасность личности и неприкосновенность собственности». Сообщая об этом, представители черкесского правительства ставили вопрос о британской помощи. «Лондонский кабинет умудрился очень ловко выйти из весьма щекотливой ситуации: формально он ответил отказом (ибо откликнуться на петицию означало нарушить Парижский договор 1856 г., оставивший Черкесию за Россией), однако фактически аего поведенье скорее поощряло у посланцев надежды, чем обескураживало. Симпатии и повышенный интерес британской публики к гостям,

кампании по сбору средств для поддержки черкесов усиливали чувство оптимизма. В такой атмосфере правительству Англии удалось решить казалось бы две несовместимые задачи — воодушевить горцев и не скомпрометировать себя перед Россией»⁶.

Практического успеха черкесское посольство не имело. Правящие круги Запада не желали развязывания крупномасштабного военного конфликта с Россией. В то же время, разыгрывание черкесской карты было выгодно в негласном противодействии российской экспансии на Кавказе. Идея вооруженной поддержки Черкесии всякий раз подхватывалась британской оппозицией в целях дискредитации собственного правительства.

В этом же ключе развивались события и в 1862 г. Лондонский черкесский комитет, возглавляемый адвокатом Э. Билзом, обратился с официальным запросом в кабинет министров, требуя отправить торговый флот к берегам Черкесии. Лорд Пальмерстон проигнорировал это обращение. Тем не менее, черкесский комитет снарядил пароход «Чеза-

пик», на борту которого новая партия польских легионеров отправилась в Черкесию. Эта экспедиция высадилась в Ордане в Убыхии. Черкесы, все еще надеявшиеся получить масштабную военную помощь, были откровенно разочарованы прибытием горстки поляков.

Еще одна группа поляков с некоторым вкраплением французов под командой полковника Пржевлотского и капитана Маньяна на двух английских пароходах «Чезапик» и «Самсон» высадилась в Черкесии в сентябре 1863 г. и действовала здесь по март 1864 г.⁷ Многочисленные дипломатические и военные акции польских эмигрантов, призванные обратить внимание западных держав на нужды борющейся Черкесии, так и не привели к практическому результату. Более того, Запад не смог оказать сколько-нибудь значимой помощи самим полякам во время восстания за независимость 1863 г. Правящие круги Англии и Франции интересовались и черкесами, и поляками лишь как одним из факторов в общей политике сдерживания России.

Примечания:

1. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX — начало XX века. Сборник документов и материалов. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. С. 158.

2. Всеподданнейшая записка управляющего военным министерством, ген.-адъют. Милютин, от 29 августа 1861 г. // АКАК. Т. XII. Ч. 1. Тифлис, 1904. С. 932-933.

3. Смоленский С. Воспоминания кавказца. Десантное дело у Псахе 19 июля 1862. (Из походного дневника) // Военный сборник. Т. 105. № 10. 1875. С. 430-431, 437-438.

4. Коллюбакин Н. П. Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. I. Нальчик, 2001. С. 184.

5. Blanch L. The Sabres of Paradise. L., 1985. P. 70-72.

6. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: «Росет», 1994. С. 576-577.

7. Фонвилль А. Последний год борьбы Черкесии за независимость. С. 18-35.

Самир Хотко.

HADJI HASSAN EFFENDI. CONSTANT OSMO ISMAIL EFFENDI.
THE CIRCASSIAN ENVOYS TO ENGLAND.—SEE SUPPLEMENT, PAGE 486.

*Черкесские послы в Англии. 1862 г.
Из личного архива Батирая Езбека
(Едыдж).*

Сведения из-за Кубани, доставленные ген.-м. Кухаренко, от 26 мая — 3 июня 1861 г.

В последнее время из Константинополя прибыло к народу адыге особое посольство, состоящее из 3 лиц: кап. турецкой службы Смель (родом убых), Эфендия Гасана (родом шапсуг) и одного англичанина.

Лица эти, соединившись с Карабатырем Заноко, сделали воззвание к народам племен убыхского, шапсугского, натухайского и абадзехского, в котором объявили, что они имеют полномочие от Англии, Франции и Турции.

По словам вышеупомянутых лиц, правительства этих государств обещают всем черкесам свое покровительство от притеснений России и силой оружия заставить ее признать независимость Черкесии, если только черкесы, с своей стороны соединят свои усилия и составят общий союз для войны с нами. Посольство это обещает доказать свое полномочие какими-то письменными актами.

По этому возванию посольства собрался на р. Пшиш народный сход для обсуждения общественных вопросов.

Бжедухи, верные присяге, данной им на подданство русскому правительству, от присоединения к союзу других племен отказались.

АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 908.

К 150-ЛЕТИЮ ЧЕРКЕССКОГО МЕДЖЛИСА

Воспоминания кавказца.**Десантное дело у Псахе 19 июля 1862 г.****(Из походного дневника).**

С наступлением весны 1862 г., отряды войск, под начальством графа Евдокимова, действовавшие с северной стороны Кавказского хребта, штыком и топором пролагали путь в глубину гор. Энергическое наступление русских встревожило почти все немирное население Западного Кавказа. На помощь абадзахам, в земле которых были главные силы правого фланга, горцы собирались со всех сторон значительными партиями.

В половине июля кутаисский генерал-губернатор прибыл в Сухум. На другой день после его приезда, между начальствующими лицами была заметна какая-то особенная суэта; командующий войсками в крае собирал начальников частей для совещания. Все догадывались, что делались какие-то секретные приготовления, но что именно предполагалось, то для нас, простых смертных, скрывалось таинственной завесой неизвестности...

Пароходы давно уже развели пары, и на баркасы с берега сядились последние стрелки; я, как был одет, в сюртук без шинели и ружья, с одной шашкой, сел также на лодку, не успев сходить в казарму. Едва только мы взойшли на палубу, начали поднимать якоря, взвился флаг на грот-мачте корвета, и суда двинулись с рейда. Вслед за ними шли на буксире десять азовских баркасов, из числа бывшей гребной флотилии сухумской морской станции. Это было часов в девять утра. Курс взят был параллельно берегам...

Упорное, хотя и медленное, наступление наших отрядов в глубину гор Западного Кавказа в 1862 г. вызвало энергическое сопротивление черкесов. Убыхское племя, согласно положения меджлиса, или народного собрания, отправило к абадзахам от 4,000 до 5,000 чел. пеших и конных...

В скором времени, по прибытии убыхов в землю абадзехов, в одной из жарких стычек с нашими войсками, они потеряли убитыми и ранеными до 60 человек из лучших фамилий и, несмотря на этот урон, вновь принесли присягу действовать еще с большей настойчивостью.

Чтобы не ослаблять себя и не подавать повода мало преданным делу союза к отлучкам, они единогласно решили, вопреки народному обычаю, не отправлять в землю свою убитых и раненых. Вместе с тем, назначено посольство в землю джигетов, которое обязано было в самых сильных выражениях представить им положение дел и потребовать от них 2,000 чел. на помощь, с угрозой непримиримой вражды за неисполнение просьбы.

Чтобы хотя немного отвлечь внимание горцев, скопившихся

уже в больших массах, от всех обществ западного Кавказа против войск правого фланга, кутаисский генерал-губернатор решил произвести диверсию на какой-нибудь из прибрежных пунктов Черного моря, заселенных племенем непокорных горцев. Решено было сделать высадку на урочище Псахе, против зданий меджлиса, расположенных не в далеком расстоянии от берега и не в середине селения, а только близ него.

Ночью суда вышли из гагринского рейда и прошли вдоль берегов. Целью предварительной рекогносцировки было осмотреть место предполагаемой высадки. Дойдя до бывшего форта Головинского (при речке Субаша или Шахе), суда повернули назад; корвет, уменьшив пары и подняв паруса, медленно шел в обратный путь. Шхуна держалась дальше в море и шла также самым малым ходом...

К утру начало светать; над горами, находившимися от нас к северо-востоку, свод неба окрашивался в бледно-розовый цвет. Тут только мы заметили, что место предполагаемой высадки пройдено уже более двух верст, почему суда сейчас же повернули назад, по направлению к уроч. Псахе. Шли, так же, как и ночью, малым ходом, соблюдая всевозможную тишину. Пароходы стали в одну линию: корвет и шхуна на ближайший орудейный выстрел, а транспорт на дальний. Затем, весь десант пересаживался с судов на баркасы. На всех баркасах, составивших десантную гребную флотилию, на кормах были поставлены флаги разных цветов, которые велено примечать солдатам, чтобы не могло быть замешательства при обратной посадке, когда каждый должен был по цвету флага бежать к своему баркасу.

Все лодки почти одновременно подошли к берегу; стрелки выскочили на прибрежный песок, а баркасы, отойдя саженой на 15, бросили якоря, и выстроили также линию.

В этом месте прибрежная полоса песку и щебня была шагов на 30 ширины, а затем возвышался крутой скалистый подъем, покрытый лесом. На левой стороне шел от моря глубокий, также лесистый овраг. Небольшая тропа от береговой полосы пролегала по дну оврага, затем начинала подниматься косвенно по левому обрыву его, изгибаясь между громадными пнями деревьев и группами камней и скал. Весь подъем составлял саженой 70. После того дорожка выходила на ровную площадь, покрытую густым, хотя и молодым лесом,

перепутанным плющами и лианами. Сбившись с этой тропинки, трудно было выбраться на нее снова. Далее дорожка вела небольшим косогором к площадке, очищенной от лесу, на которой стояло три деревянных здания с драничными крышами. Эти домики и составляли присутственные места администрации горцев, или меджлиса «великого и свободного заседания», где, кроме залы парламента, стояли еще кунакская и молельная.

Построившись поротно, стрелки начали подниматься на гору; по неудобству подъема, нужно было всходить по одному человеку. Было еще очень рано, и сторожа построек мягкеме, вероятно, еще спали. Только тогда, когда стрелки поднялись на площадку, почти на виду их, сторожа успели запереть все двери зданий. Спасаясь, они не могли подавать своих сигналов, из боязни попасть в руки солдат.

За зданиями правительственных учреждений горцев расстилась ровная, местами волнистая возвышенность, расходясь на обе стороны за овраг. Местность эта была густо заселена горцами до крутых подъемов подходящих сюда горных отрогов; горцы занимали также котловины ущелий, выходящих из гор и долины речек. Тут был центр населения убыхского племени, где и избрано место для постройки помещений народных собраний. Отсюда имелись прямые сообщения с землями абадзехов и натухайцев, и вели также ближайшие пути в соседние общества ахчипсоу и айгба. Против зданий был еще спуск к морскому берегу, но крутой и местами обрывистый, поросший лесом и загроможденный скалами, по которому даже горцы могли с трудом пробираться.

Выйдя на гору, стрелки рассыпались по лесу и образовали цепь вокруг площадки. Солдатам еще на судах даны были смоляные кранцы, гвозди для прибивки их к стенам и спички со свечами из состава, который мог гореть и на ветру. Почему сейчас же начали поджигать дома со всех сторон. Только в это время послышались в отдалении крики, а затем и несколько выстрелов. Между тем, работа по зажиганию зданий деятельно продолжалась; в некоторых из них загорались уже стены и сообщали огонь драничным крышам.

— Поджигай вон ту саклю, — приказывал один солдат другому, — а то она запалена только с одной стороны, а я отобью двери, нет ли там, в середине какой бритой головы.

Последний начал прибывать кранцы к указанной ему стене и зажигать, а распорядитель отбивал двери камнем, что, однако, ему не удалось; двери оказались настолько крепкими, что он их не мог отбить. Возбравшись по углу до крыши, еще не занятой огнем, он отворотил часть ее, но дом оказался с потолком, замощенным досками.

— Что там смотришь, дядя Сысойч, — спросил стрелок, поджигавший соседнее здание.

— Какие-то подушки; постель, должно быть, а палаты замощены; хотел пролезть в середину, да нельзя, а там, наверно, черкесы есть.

— Экие они дураки, что тебя не подождали; когда мы первые взбегали на гору, то два или три черкесика, как есть раздемши, побежали вот от этой самой сакли.

— Мы им, бедняжкам, не дали и соснуть зорькой; самый хороший сон, — ворчал Сысойч, слезая с крыши.

— Как есть раздемши — повторил стрелок, — с ружьями только, да с шашками в руках.

— Отчево же вы по ним не стреляли.

— Где там было стрелять, они как чикалки (шакалы) проскользнули промеж деревьев, так что мы не успели и ружей с плеч схватить.

Огонь начал охватывать дома со всех сторон и клубы черного дыма высоким столбом поднимались вверх; в это время было совершенно тихо.

Перестрелка в цепи начала учащаться; к месту пожара стали сбегаться горцы со всех сторон. Вокруг нас по лесам поднялся страшный вой сигналов, которые все больше и больше расходились по прибрежьям и в глубины ущелий. Слышно было, как кричали сбегавшиеся туда пешие и с гиками скакавшие всадники.

— Вишь ты, как на крыльях их несет, какая легкая на помин, проклятая орда, — говорил солдат, пуская выстрел через овраг, по направлению гиков.

— Не трать зарядов по пустому, — заметил ему старый унтер-офицер, — там на берегу еще настреляешься.

Сакли совсем уж загорелись, так что их не было никакой возможности потушить, почему мы сбегали вниз, на прибрежную полосу, а вслед за нами сошли и стрелки, находившиеся в числе зажигателей домов меджлиса; осталась только в цепи рота № 33-го батальона, которая вела деятельную перестрелку со скопившимся горцев, все больше и больше собиравшихся к этому

месту. Они стали уже показываться и на спусках к морю, с обеих сторон оврага; особенно много их появилось с левой стороны его от берега. Неприятель засел за камнями и пнями деревьев, стреляя по нас.

На песке, недалеко от спуска, лежали два громадных полустлевленных дерева, за которыми расположились солдаты и начали отвечать на огонь горцев. С каждой минутой выстрелы учащались, но нам нельзя было садиться на баркасы, не дождавись спуска цепи с возвышенности на берег. Почти из-за каждого камня, пня и куста сверкал огонь, взвивался дымок и около нас с визгом летели винтовочные пули, но горцев мы почти не видели, несмотря на то, что нас разделял промежуток от 40 до 60 шагов. От колоды, под которой мы сидели или, лучше, сказать, лежали, потащили под руки одного раненого, другого и третьего на баркасы, подошедшие к берегу для принятия десанта. Дальше начали таскать и убитых, то из-под одного дерева, то из-под другого.

Когда две роты, лежа под завалами, на песке, перестреливались с горцами, в ожидании спуска с горы третьей, никому нельзя было стоять на ногах: как только кто поднимался, десятки пуль осыпали его. Почти не проходило без того, чтобы одного из двух носивших на баркасы убитых и раненых не подстреливали. Почему каждый из нас, по инстинкту самосохранения, прижимался к песку, укрываясь под гнилыми колодами, выглядывая из-за них только тогда, когда нужно было сделать выстрел. В это время начальник десанта, капитан Барахович, ходил взад и вперед сзади наших завалов. Пули сыпались на него со всех сторон, как дождь, взрывая и клубя песок, но, не обращая на то внимания, он продолжал ходить, делая необходимые распоряжения.

Горцы особенно сильно наседали на нас с левой стороны, т. е. с оврага и высот, тянувшихся за ним, почему правый фланг гребных судов открыл по ним огонь из своих орудий. Осыпавшиеся картечью шести или семи орудий с азовских баркасов и пулями двух рот, черкесы не оставляли своих мест и, по-прежнему, почти из-за каждого куста, пня или камня, пули продолжали сыпаться, так что от песку и дыма наших выстрелов почти не было возможности видеть места их засады, откуда не подул небольшой ветер с моря, рассеявший дым с пылью.

Черкесы с гиками и воем все бежали со всех сторон к месту перестрелки, а рота с горы не сходила, заведя жаркую перестрелку с неприятелем, с целью не допустить его к горевшим

К 150-ЛЕТИЮ ЧЕРКЕССКОГО МЕДЖЛИСА

домам. Пожар был уже в таком виде, что не только невозможно было его погасить, но и спасти что-нибудь из горевших строений не имелось возможности. Подан был уже второй сигнал к отступлению и рота показала вправо, по другой тропинке, шедшей также от зданий суда к морю, которая, к счастью, была отыскана. Возвращаясь прежним путем, при большом скопище черкесов на дне оврага и правой стороне ската его, рота могла бы иметь значительные потери, и должна бы была пролагать себе путь штыками.

Пешие и конные партии горцев бежали из далеких мест от Сочи и Варданэ, по прибрежной полосе щебня. Корвет посылал иногда, в ту и другую сторону, гранаты, что заставляло приближающиеся шайки скрываться в лесу возвышенностей или всходить на верх берегового ската и по нему уже продолжать путь.

Несмотря на усиливающийся огонь неприятеля, от которого стали чаще уносить наших убитых и раненых, на лицах солдат изображалось невозмутимое спокойствие.

— Ишь ты, сколько собралось их нечистой силы, — слышалось порой замечание под каким-нибудь бревном. Или:

— И откудова так скоро разбирается их столько.

Но подобные фразы вырывались редко, большей частью всякий солдат молча заряжал ружье и стрелял в те места, где показывался дымок черкесской винтовки, сосредоточивая все внимание на происходившем впереди.

Как только стала спускаться с горы рота, бывшая в цепи, остальные две, дожидавшиеся ее на берегу, побежали к баркасам и начали садиться на них. Но, сойдя с возвышенности, цепь наша опять остановилась, продолжая жаркую перестрелку. Усердие начальника ее в этом случае было совершенно неуместно, потому что десантный отряд, сделав свое дело, должен был уходить как возможно поспешнее. Если горцы не бросились в шашки при первой посадке двух рот, то этим мы обязаны картечи с баркасов, которые, несмотря на сделавшуюся хотя и небольшую качку от начинавшегося волнения, держали до этого времени неприятеля на почтительном расстоянии. Впрочем, черкесы за своими завалами несли потери меньше в сравнение с нашими. Они боялись только гранат с судов и картечи с лодок.

Приняв две роты, баркасы не могли отходить от берега далеко, так как на оставшуюся там третью роту горцы могли кинуться в шашки и, пользуясь громадным численным перевесом, всю уничтожить. Как только эта последняя спустилась на прибрежную полосу, суда начали обстреливать высоты; особенно удачно стреляла «Туапсе», подошедшая ближе к берегу. «Рысь», поворачиваясь на обе стороны, изрыгала с бортов своих массы чугуна в виде ядер, гранат и картечи. Азовские баркасы также осыпали картечью места, за-

нятые неприятелем, где замечалось больше дыма от их выстрелов. Стрелки с берега и лодок продолжали поддерживать ружейную перестрелку. Несмотря на то, что возвышенность, осыпаемая пулями и артиллерийскими снарядами, от которых трещал и ломался лес и сыпались осколки и листья, а земля и камни, взрывающиеся ядрами и гранатами, поднимали пыль, у горцев пальба все более и более усиливалась. За грохотом орудий мы уже не слышали их гиков. Особенно сильный огонь черкесов был из-за оврага, при устье его, куда пароходы не могли стрелять.

Пока мы были на берегу, то имели возможность скрываться за колодами; на баркасах же, сидя кучами, мы представляли хорошую цель для горцев, чем они и сумели воспользоваться. Там у нас было больше раненых и мало убитых, здесь же все раны, за редкими исключениями, были смертельны. До пояса мы были закрыты бортами баркасов, оставалась для прицелов горцев грудь и голова. Как только наш баркас стал отходить, мы опять начали стрелять в лес и камни, скрывавшие неприятеля. Сначала был убит стрелок, сидевший около меня с левой стороны; пуля попала в висок, и он молча повалился на меня всей тяжестью тела; вслед затем ранен в живот милиционер-имеретин, который схватился за рану и прилегло ко мне на ноги, он жил только четверть часа после того. Во все это время на лице его была заметна болезненная улыбка, с которой он и скончался; я не слышал от него ни стоны, ни жалобы. В первое мгновение, когда он схватился за живот, мы только взглянули один на другого... и в этом взгляде выражалось все... Мы оба понимали, что рана его смертельна. Едва только он улегся ко мне на ноги, потому что на баркасе была сильная теснота, как сидевший с правой стороны гребец, молодой азовец, с тихим стоном «ох», навалился тоже на меня. Пуля попала ему в левую сторону груди; смерть также была быстрая, мгновенная. Я почти до пояса был измочен кровью убитых; а в это время у моего ружья, захваченного у азовцев-гребцов, совершенно избились кремни (у них в то время еще были ружья со штыками и кремнем, гладкоствольные, которыми прежде была вооружена наша пехота), и мне уже нельзя было стрелять. Я бросил бесполезное ружье в лодку и повернулся, насколько то было возможно, спиной к неприятелю. На баркасе находился начальник десанта, почему нам невозможно было отъезжать от берега, вдоль которого мы тихо двигались для отдачи приказаний роте № 33-го батальона, бывшей еще на берегу; остальные же гребные суда были дальше.

Садясь спиной к неприятелю, думал ли я что-нибудь в то время, не знаю; но, припоминая этот случай, приходится невольно вспомнить, что не даром говорят: «смерти страшно в глаза смотреть»; так и мне, по какой-то странной прихоти, не хотелось,

чтобы пуля попала в лоб или грудь. Уж если наметит какая, так пусть бьет в затылок или спину; все не так страшно, вероятно я рассуждал в то время. Пули, между тем, как челы жужжали между ушей и волны шипели вокруг лодки, обдавая нас брызгами. Левый борт баркаса впоследствии оказался избитым, как решето. Смерть носилась кругом: то с той, то с другой стороны кто-нибудь со стоном валился на дно баркаса. В этот момент я почувствовал, что меня кто-то дергает за полу сюртука, а затем услышал и голос:

— Лезь сюда.

Это был доктор № 33-го батальона, который с Г-вым, найдя свободное место под банкой (перекладины из досок на баркасах, на которых сидят гребцы; под ними можно свободно лежать), лежали на дне лодки. Я ответил, что не только лезть туда, но мне и повернуться-то трудно, так как я со всех сторон завален убитыми.

Но я сказал неправду; если бы захотел пробраться туда, то, без сомнения, мог бы разворочать тела и выбраться из-под них. Доктора я видел в первый раз, когда сажались мы с корвета на баркас и он, из чувства человеколюбия, сделал мне это предложение, так как мы почти уже не стреляли, служа бесполезной мишенью пулям неприятеля. В то время я сознавал всю справедливость и искренность совета, но не знаю, почему отказался. В такие минуты является полное равнодушие ко всему. Может быть, на меня действовало еще и то, что, вместе с предложением медика, я случайно взглянул на начальника десанта, стоявшего на корме и правившего рулем, выходя почти во весь рост из-за бортов баркаса, на котором была перебита прислуга, и мне показалось нехорошим прятаться под банку. Впрочем, я тогда не сообразил, что начальнику десанта нужно было распоряжаться, а если бы я лег в лодку, то от этого уменьшилось бы одним предметом для прицелов горцев.

Черкесы больше метили в азовцев, стараясь перебить гребцов, рулевых и прислугу орудий. Оттого и потеря у азовцев была больше, сравнительно с милиционерами и стрелками. Командир баркаса, сотник Перетяткин, когда убили у него рулевого, стал на его место управлять лодкой, но тотчас же был ранен в ногу. Передав гребцу руль, сотник перешел к орудию, прислуга которого была перебита, и начал заряжать его, но тут ранили его в руку. На другом баркасе урядник, находясь при орудии, был раненым легко, и видя, что убит рулевой, стал сам править лодкой, но через несколько минут был также убит. Командир, есаул Козленко, став после урядника на руле, был ранен в руку. На одном баркасе до того перебили гребцов, что, не поспей к нему на помощь катер с матросами, он остался бы, под выстрелами неприятеля, на произвол морского течения. На некоторых баркасах находились солдаты, бывшие прежде прикомандированными к азовским командам

по некомплекту в них людей, умевшие грести, причем знание их тут вполне пригодилось.

Наконец, стала садиться на баркасы и рота, бывшая в цепи, которая меньше всех понесла потерю, пользуясь закрытием небольшой песчаной возвышенности со стороны оврага, что и дало ей возможность так долго оставаться на берегу и перестреливаться с горцами, проводившими ее от горевших зданий.

По мере того, как мы отходили от берега, горцы шайками высыпали на песок, но выстрелы их были уже недействительны. Баркасы, имея орудия впереди (т. е. в кормовой части), не могли уже по ним стрелять, да почти и не было для того прислуги; если на каком из них она и оставалась, то употреблена была взамен убитых гребцов. Пароходам также нельзя было стрелять через нос, и потому они ограничивались обстреливанием возвышенностей и скалов их к морю.

По выгрузке с баркасов десанта с убитыми и ранеными, эскадра пошла в обратный путь, взяв опять гребные суда на буксир. Горцы, собравшись в большом количестве, продолжали выбегать на берег пешими и выезжать конные. По мере того, как суда двигались вдоль берегов, скакали и они на лошадях, по направлению к Сочи, предполагая, вероятно, как бы мы там не сделали новую высадку. По временам, через небольшие промежутки, корвет на ходу бросал в них гранаты. При этом мы заметили только двух всадников, опрокинутых с лошадыми ядрами, но черкесы, оставляя убитых на месте, продолжали бежать, почти не отставая от пароходов. Шхуна, подойдя ближе к берегу, оставила один азовский баркас, который, сделав несколько картечных выстрелов, заставил горцев на долгое время остановиться и укрыться в лесу ската, спускавшегося к морю. Но как только баркас был забуксирован, они снова появились на прибрежной полосе песку. Преследовавших нас по берегу было около 500 всадников. Погоня за судами продолжалась почти до самой Сочи, где пароходы пошли полным ходом, а у горцев устали кони, пробежавшие по песчаному хрящу около 20 верст.

Всей потери с нашей стороны было более 70 человек, выживших из фронта, в том числе три обер-офицера. На берегу мы потеряли около 20 человек — большей частью раненых и очень мало убитых. Остальные убиты и ранены на лодках. Если бы рота № 33-го батальона не оставалась так долго на берегу и не задержала остальной десант под выстрелами горцев, урон наш мог бы быть на половину меньше. Хотя остановка эта была всего на несколько минут, но каждая минута не дешево обошлась нам.

У горцев, пользовавшихся выгодной в сравнении с нашей позицией, по достоверным справкам, собранным в то время, было убитыми и ранеными

около 50 человек. И если у нас из раненых не так много осталось в живых, то у них был их еще меньший процент. Нарезное оружие на самой близкой дистанции, а также картечь и гранаты почти каждую рану делали смертельной.

Хотя наша потеря превышала убыль горцев в деле у Псахе, зато нравственный перевес был на нашей стороне. Мы явились там, где они нас не ожидали, и напали совершенно врасплох как говорится. Узнай они днем раньше, во время рекогносцировки, о месте предполагавшейся высадки, то из трех рот едва ли кто бы возвратился на суда. С таким небольшим числом людей можно было рисковать высадиться в центре населения одного из самых воинственных и многочисленных племен Западного Кавказа, только рассчитывая на нечаянность и спешность нападения.

Высадкой 19 июля была достигнута также и самая главная цель, какая предполагалась. Убыхи, находившиеся с северной стороны хребта против наших отрядов, узнав о сожжении зданий «великого и свободного заседания», немедленно отправили в землю свою 80 всадников, которые привезли оттуда более 100 убитых и раненых. Они также приостановили высылку подкреплений, под предлогом, что русские крейсера стали постоянно появляться у их берегов. Кроме того, у них начались частые возвращения из скопищ, сосредоточенных в земле абадзехов, и вследствие этого начались раздоры последних с убыхами.

Пока мы шли близ берегов земли джигетов, нас почти всюду встречали горцы, выглядывавшие из лесов. Они слышали канонаду и перестрелку и, видя пожар, выбегали к берегу, узнать, в чем дело.

Часам к четырем пополудни мы прибыли в Гагры, где сдали убитых для отдания им последнего долга по обряду христианскому, а раненых в лазареты для лечения. Транспорт «Эльборус» на рейде укрепления не долго задержался и отправился в Сухум, так что к утру был уже там. Мы же выехали в 11 часов ночи; в Гаграх я пересел на «Туапсе». Для меня ночь прошла не совсем покойно. Мне пришлось лежать рядом с ранеными азовскими офицерами, которых везли в сухумский лазарет. Часов около 12 дня, 20 июля, мы уже огибали Сухумский мыс и входили в бухту.

Сойдя на набережную, я узнал, что мою особу в городе считали убитой. Когда сносили с баркаса на пароход сотника Перетяткина, солдаты, расположенные в Сухуме, почти все зная меня, по росту и цвету казачьего мундира сочли азовского офицера за меня. Когда прибыл «Эльборус», то в числе списков убитых и раненых, разнесенных молвой по городу, значилось и мое имя.

См.: Смоленский С. Воспоминания кавказца. Десантное дело у Псахе 19 июля 1862 года // Военный сборник. Т. 105. № 10. 1875. С. 414-438.